

Александр Николаевич Попов

Мама Белла

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А46

А46 **Александр Николаевич Попов**
Мама Белла / Александр Николаевич Попов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 74 с.

ISBN 978-5-458-03724-2

ISBN 978-5-458-03724-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Попов Александр
Мама Белла

Александр Попов
Мама Белла
очерки, статьи, заметки 90-х годов
Яблоневый сад
Урод нагрянул
Добрый дом
Рожица кривая
Мама Белла
Что пожнем?
Выговский
Голоса из прошлого
Мы -- советские?
Тают снега
Двадцать минут с Ангелом
В сердце всегда найдется место для любви
Ее величество цель
ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Я попал в яблоневый сад в феврале. Пробежал меж серых яблонек ветер, дышало на землю яркими, но холодными лучами солнце. Дрожали кривые, тоненькие, колючие ветви. Отчего знобко и неуютно мне -- понятно, но почему же грустно?

А потому, видно, что есть у этого сада история -- простая-простецкая, но печальная.

Жили на Волынщине и Харьковщине мужики, с детьми, женами; хозяйственные были мужики, зажиточные. Но вздумалось кому-то в тридцатые годы назвать этих мужиков кулаками, врагами народа. Без суда и следствия отправили их в Восточную Сибирь на поселение. Попали в Батаму Зиминского района. Что поделаешь, надо жить, обживать. Охи-вздохи беде не помощь. Год к году на батаминской земле -- хозяйство у каждого все крепче, зажиточнее. Землю вспахивали и засевали, в совхозном пруду карпов разводили, -- да что описывать: обычные крестьянские хлопоты. Разбили гектара на полтора яблоневый сад -- памятный узелочек о "рідной" Украине. Весна -- и в белом, розовом тумане нежного цветения яблони и вишни, смородина и рябина. "Славно!" Особенно яблоньки радовали глаз: "Девицы, умницы!" Люди рады, земля и солнце рады. Пчелы медоносят. Но вот оказалось, что не все люди довольны, а чем недовольны -- по сей день непонятно. Однако вели себя достаточно определенно, открыто: как-то поутру арестовали тридцать шесть батаминских мужиков и после недолгой церемонии суда чернокожаной тройцы --рас-стре-ля-ли.

Не стало на батаминской земле тридцати шести хозяев, труженников. Обмелел и "запескарел" -- карп словно бы испарился -- пруд, зарастал травой и славный яблоневый сад. Деревья стали расти уродливыми изломами, яблочко год от году все кислее и неказистее. Так, мало-мало ухаживали за кустами, а в последние десять-пятнадцать лет забросили сад: и без него, мол, забот, как мух, -- не отобьешься никакой хлоплушкой.

Да, хозяина не стало.

Но не о саде я хотел рассказать тебе, читатель, а о батаминской школе. Однако живет в моем сердце яблоневый сад: не мог с других слов начать.

А школа в Батаме хорошая. Добротное кирпичное здание. Разговариваю с директором -- Валерием Ивановичем Лашуком. Невысокий, крепкий мужчина за сорок, духом и плотью крестьянин, а потому и недоверчив ко всякого рода "праздным" визитерам. Но приехал я к нему затем, чтобы познакомиться с первой в Иркутской области школой молодых фермеров, порадоваться за ее создателей, а потом и другим помочь с организацией таких учебных заведений.

-- Что же вам рассказать о школе? -- раздумчиво начинает Валерий Иванович, сильно скрепляя в замке пальцы, словно помогая ими выжимать из себя слова. А идут они тяжеловато, как у всякого немногословного занятого человека. -- Когда-то школа была церковно-приходской, потом -- семилеткой, а теперь -- учебно-производственный комплекс: детский сад, средняя школа, филиал ПТУ.

-- А не обуза для вас детский сад? Зачем он вам?

-- Не-е! Мы хотим выйти на модель крестьянской семьи. В ней как? Дети разных возрастов -- один другому помощник. Вот и у нас разновозрастные производственные отряды. С малолетства эти дети с нами, со всеми -- миром живем, помаленьку втягиваем в крестьянский труд...

Долго беседовали с Валерием Ивановичем. Он показал мне свое большое хозяйство. Школа, оказывается, владеет шестьюдесятью гектарами земли, восемью единицами техники -- тракторами, комбайнами. Урок труда в школе отменен, но программные темы все же изучаются. Где и как? Довольно просто: в семье, с матерью и отцом, с дедом и бабушкой. И этот своеобразный домашний учебный процесс контролируется и направляется школой. Никаких указок и другой чепухи дети теперь не изготавливают, а только то, что пригодится в жизни -- дома, в семье. Справедливо? Так же проста и незатейлива и система подготовки фермеров и сельхозрабочих: после окончания

девятого класса дети могут пойти в фермерскую школу, -- она находится в этих же стенах. Им предлагается две ступени. Первая: осваиваешь два года сельскохозяйственные профессии без обще-школьных дисциплин -- получаешь квалификацию сельхозработного. Вторая: два года изучаешь сельхозпрофессии и общешкольные дисциплины, а потом год в 12-м классе наращиваешь через практику под руководством педагогов профессиональные навыки и знания -- на ферме, в поле, в саду, на пасеке, в швейном цехе и гараже. В результате выдают сертификат на право ведения фермерского хозяйства.

-- Сколько же человек учатся на фермеров? -- спрашиваю.

-- На сельхозработников -- пятеро, а на фермеров -- трое.

"Трое? Всего трое!" -- Я разочарован, недоумеваю.

Помолчали. Еще поговорили о том, о сем. А разочарование и недоумение все не рассеиваются. Я надеялся услышать, конечно, не о трехстах воспитанниках, а хотя бы о тридцати.

Чуть позже я разобрался в своих чувствах: мы так когда-то привыкли к большим цифрам -- нередко дутым, -- к гигантизму, многолюдству, переполненности, другим невеселым несуррицицам, что уже в скромном, малом не видим значимого.

Ну и что же, что три? Во-первых, это начало. Во-вторых, кто сказал, что такие школы, в которых готовят работников индивидуального хозяйствования, должны быть большими, людными? Да и вообще, что за воспитание в многолюдстве, толкотне? И я склоняюсь к мнению, что в Батаме стоящий вариант наполняемости фермерской группы. И уже радуюсь: хорошо, что мы начали с троих! Неспроста говорят: Бог любит Троицу.

А к фермерству, к крестьянскому труду в школе, к слову, готовят всех детей, а не только этих восьмерых. Все ученики объединены в бригады. Создается учебно-фермерское хозяйство, в которое войдут столярный цех по производству мебели, туесов и других предметов народных промыслов, кроликоферма, пасека, пруд. И -- сад. Яблоневый сад.

Да, тот самый сад, который заложили волынские и харьковские поселенцы. Он заросший, неухоженный, яблоки, говорят, рождаются очень кислые --выродились.

Напоследок я пришел в сад. Он отгорожен от мира забором, -- ему, наверное, одиноко. Ветер качает веточки. В округе тихо-тихо. Но где-то в стороне заговорили мужики, и я хочу сказать им:

"Тише. Сад спит. Ему надо набраться сил. Ему скоро придется много работать с людьми и для людей".

И хочу сказать саду:

"Потерпи еще немного. К тебе скоро придут новые хозяева, и твои яблоки снова будут сладкими и желанными".

Но сад спит. И я ухожу молча.

УРОД НАГРЯНУЛ

Долго и беспокойно размышлял, можно ли назвать словом "мультикультура" тот многоцветный, тропический ливневый поток западных мультфильмов в кино-, видео- и компьютерных вариантах, который несколько лет назад принесли ветры перемен в Россию и который буквально обрушился на незащищенные головы наших детей? Наверное, можно так широко, глобально охарактеризовать это явление современной жизни -- мультикультура, потому что она настойчиво, напористо, без роздыха пропитывает духовные, интеллектуальные запросы и капризы подрастающего поколения. Но что потом? А потом идет с ними по жизни, вгрызшись в душу, видоизменившись, утвердившись в каких-то взрослых проявлениях.

По-настоящему любящий родитель хотя бы немного, но строг со своим ребенком. А если с тем же "любящим" взыском взглянуть на то, что дети видят и слышат в мультфильмах?

Все мы, и стар, и млад, увлекались западными мультфильмами. Помнится, сначала, на заре этих непростых 90-х, было чрезвычайно интересно: "Вот они какие, мультики на Западе! Отличаются от наших, да еще как". Нередко с азартом мы смотрели многокилометровые истории о привидениях, о приключениях Тома и Джерри, о космических войнах, -- да, впечатляло, порой притягивало и даже заражало. Но в человеке, в котором надежно, умно засеяно хотя бы с десяток зерен от всегда благодатной национальной культуры, зерен лучших, высшего сорта, провеянных на ветрах исторических и личных, сбереженных от дыхания плесени или огня, в таком человеке уже на какой-то недалеко убежавшей вперед энной серии начинается в сердце закисать скука. Причем нередко начинаешь скучать так отчаянно, невыносимо, что если не дети -- щелк выключателем: "Хватит!" Но сдавливаем в себе протест, сминаем гнев и с интеллигентской старательностью начинаем обдумывать: "Как же, собственно, по-настоящему оценить то, что мы увидели и услышали?"

Да, истари привыкли мы ко всему заморскому относиться с почтением, даже с некоторым пиететом, но вот незадача -- потянуло на гнев, на злое слово. Призадумался исторически робкий культурный российский обыватель: "Скажу что-нибудь не то да не так -- обвинят меня, назовут дураком. Надо подумать!"

Вот и думает, думает, а ливень крепчает, крепчает. Стихия разру-

шает дороги национальной культуры, прорывает дамбы. Где была твердь для засева зерен -- там образовалась хлябь. Пузырится болото, в котором сгнить, сгинуть зернышку.

А культурный российский человек все думает, думает.

А ребенок тем временем смотрит мультфильмы, в компьютерных играх уничтожает "врагов". Что же он видит? Сразу отметим то, что в сознании стоит как вогнанный кол: он видит много-много уродов -- космических, лесных, человеческих, звериных, гермафродитных, маниакально-извращенческих, психически ненормальных, непонятного происхождения. У каждого уродливого варианта десяток подвариантов: например, урод космический с рогами, или в доспехах рыцаря средних веков, или с хвостом, или с особенно большими, обязательно клацающими зубами, обладающий неограниченной, порой какой-то вселенской властью, или просто прихлебатель, убудок. У подвариантов с десяток подподвариантов: например, уродливый правитель-интеллектуал или же обозленный против всего на свете тупица. Впрочем, дело не в вариантах, а в том -- детскую душу, господ хороши, зачем калечить?! Зачем растаптывать ее, растлевать полчищами уродов? Остановить их, порожденных жадной наживы, которая исковеркала, изранила эстетический вкус художника! Хотя один из этих мультуродов носил бы на себе Божественную печать оригинальности, был бы заряжен каким-то высоким, духовным содержанием, которое воспитывало бы наших детей, развивало бы умственно! Но перед нами -- банальность, разукрашенная, позолоченная, озубаченная, изрыгающая маты, сленговый мусор.

-- Опротивело!

-- Надоело!

-- Хватит! -- звучит в наших сердцах.

Мы так резко и гневно не выступили бы против современных мультуродов, западных мультфильмов как явления нездорового, бесталанного, если из великих литератур не знали бы высоких, истине захватывающих, интересных образов, образцов уродов, уродства -- Циклоп, Квзимодо, Вий, ведьмы-оптимистки. А неувядающая Баба-Яга? А сонмище дурачащихся чертей, домовых, водяных? Ни нахальных вычурных красок в них, не ослепляет и не отупляет интеллект эта тысячелетиями идущая с людьми -- и, несомненно, для людей -- братия, а воспламеняет детский мозг благородным протестом, случается, жалостью, сочувствием. Воспитывает. Устрашает в том, в чем не грех утратить ребенка. Побуждает к небанальным творческим поискам -- в рисунке, в слове, в

карнавальном костюме, во многом другом.

Ничего хорошего не можем мы сказать и о так называемых положительных героях, или, если уж оставаться в рамках классификации, то о неуродах, -- среднего, как правило, в мультипликационной героике Запада ничего нет, или же оно настолько бледное, что его не замечаешь. "Положительные" тоже многовариантны и -- подподвариантны. Все весьма избито и даже с налетом пошлости. Первое: либо перед вами невероятно красивая и невероятно добродетельная девочка; иногда, правда, не разберешься, маленькая она или подросток; или -- уже умеющая кокетничать, краситься, примерять наряды и вести светские разговоры о деторождении девушка-женщина. Второе: либо силач, обязательно в одних только трусиках или с набедренной повязкой, но самое главное -- обвешанный мускулами, как мясные ряды на рынке кусками туш. Третье: либо сначала невообразимо глупые, а чуть позже умудренные от пары ударов в челюсть -- и человеческие персонажи, и утиные, и собачьи. Не будем перечислять, потому что на хотя бы беглый анализ -- или даже перечисление -- вариантов и под-, подпод- уйдет много бумаги. Выделим главное, режущее глаз, практически в каждом сериале встреченное -- персонажи жаждут славы, денег, удовольствий, власти. "Я, мне, мое", -- скрытый и нескрытый девиз всех деяний.

Мы понимаем, что российский обыватель нас может остановить, иронично усмехнувшись:

-- Стоп, стоп, дядя! Ну, разошелся! Сначала спроси у детей, что им нравится и почему.

Если у нас спросили бы так -- попали бы в самую больную точку.

Да что там, спрашивали мы и огорчились: нравятся нашим детям западные мультфильмы, игры. Восторгаются они ими. А нам -- грустно, очень-очень грустно.

Мы, взрослые, по крайней мере та часть -- или всего частичка? -- взрослых, которые имели счастье познать истинные восторги от подлинного искусства, не знаем, как быть, что делать. Мы явственно видим, понимаем, что западная мультикультура -- грязевая лава, уже не только джунглевый ливень, а потоки, реки грязевые, которые забивают наши уши, глаза, души. До островов истины, которые где-то робко зеленеют в смраде испарений лучащегося грязевого болота, добраться нелегко: кругом каша, слизь. Вязнут в тине ноги. Идти тяжело. Тучи комаров. Жутко. И не сойдем ли мы с ума и не напугаемся ли, приняв друг друга за уродов?

Однако давайте задумаемся: мы лишь только в грязи. Может, все

же дотянем до островков -- а вдруг там целые материки! -- и очистимся? Или будем любоваться на заморскую грязь?

Детям, несмышленьшам, может нравиться все что угодно, но мы-то, черт возьми, еще способны думать! Да, урод нагрянул и победил, но возникает сомнение -- окончательно ли поборол?

ДОБРЫЙ ДОМ

Один молодой человек, горожанин, много лет ходил в тайгу. Он любовался росным, туманным восходом солнца над сопками, любознательно заглядывал в черную бурлящую пасть ущелья, и его сердце застывало от восхищения и страха, выслеживал одинокого божка сибирских лесов -- сохатого, легко и величаво несущего тучу своих рогов, -- и очарованно жил до другой встречи, дышал сладковатой прелью косматых ведьмовских болот, утробно и загадочно урчащих, разводил возле них или ручьев ночные костры и слушал, подремывая или пошвыркивая горячим травным чаем, страшные, лукавые и всегда неторопливые рассказы охотных мужиков, выходил из чащобника на берег Байкала и ухом и сердцем слушал плескучий говорок водяного великана, лизавшего его лицо своими холодными языками ветров.

С годами молодой человек с грустью понял, что не все способны любоваться деревом или волной, камнем или зверем, что много рядом с ним таких -- обиженных ли, обделенных ли, злосчастных ли, -- для которых любованье -- смешное, пустое занятие, а свою жизнь они обустроили так: отнял у леса, у озера -- у природы, еще раз хапнул, потом -- еще и еще, а отдавать, а восстанавливать, а поправлять, а извиняться -- какие сантименты! Шел к ним молодой человек с проповедью сердца -- не понимали, притворялись, усмехались и даже ругались. Пришел он к детям -- они хотели понять его, и он остался с ними. Сейчас он уже немолодой, но молоды его дела и шаги. Он -- Наумов Валерий Михайлович. Вы о нем слышали? Слышали, слышали, хотя бы немножко!

Он ведет детей в природу, как в добрый дом. Не просто в лес или к озеру, в горы или к реке. Он сначала направляет юные сердца к духовному сожительству с деревом, скалой, небом, волной, муравьем, закатом и восходом... Но ребенок не до конца поймет вас, если вы будете его только призывать или заставлять: люби природу, береги ее. Истинная на всю жизнь спайка непременно образуется в поступке. От любованья -- к поступку, от поступка -- к любованию.

Чаще Валерий Михайлович начинает с ребятами так: "Давайте-ка, поможем, -- говорит он, -- речке!" И они очищают берега Уша-

ковки или Иркутта от хлама человеческой мерзости. Это традиционное дело в наумовских отрядах юных экологов.

Но всю нашу обиженную, загаженную землю детскими руками не вычистишь. Страна живет по несовершенным экологическим законам, по нередко дурацким --или дураков? -- распоряжениям. Убиваем лес, воздух, себя. Придумываем одну отраву изощреннее другой, ввинчиваем в нежное тело небес высокие железобетонные трубы заводов. Если раньше особо настойчивых, несговорчивых природозащитников могли запихнуть в психиатрическую клинику, то теперь демократично и культурно поступают, по принципу: а Васька слушает да сметану ест.

Как быть?

Честный, порядочный человек знает -- все равно нужно выбрасывать на ветры жизни флаги действия. Например, поступать так, как в отрядах Наумова: на опушке леса за Иркутском его дети как-то обнаружили незаконную свалку. По бумажкам из кучи выяснили -- с такого-то завода мусор.

-- Что, опять самим убирать?

-- Нетушки! Давайте-ка взрослых повоспитываем!

Звонят на завод директору: так и так, что же, уважаемый, загаживаете лес? Возмущается директор: зачем наговариваете? Быть такого не может! Отстаньте! Не отстают: приезжайте, взгляните на вещественные доказательства.

Один день, два прошло -- и, как говорится, ухом не ведет благочестивый директор. Звонят ему: так и так, дяденька, составили на вас экспертное заключение за подписью многих свидетелей -- в административную комиссию города. Прилетает, голубчик. Извиняется, уговаривает.

-- Что ж, даем два дня.

Приходят на третий -- чисто. Даже чужой мусор убрал.

Как нам порой не хватает поддерживаемого разумными федеральными и региональными законами жесткого обращения со всей этой бессовестностью!

Наумов хорошо понимает, сожительство с миром природы человеку не пойдет на пользу, если мы не будем знать, понимать, чувствовать ее законы. Природа -- капризный для человека сожитель. В наумовских отрядах серьезно изучают биологию, химию, географию. Воспитанники корпят над маленькими самостоятельными научными исследованиями по проблемам восстановления лесов, очистки водоемов, тушения таежных пожаров. Подготовленные, изучившие природные явления вживе, с рюкзаками на плечах, и по